

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

**АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЕ
ВОЙНЫ**

В ЭПИЗОДАХ И БИОГРАФИЯХ

БОСТОН • 2008 • BOSTON

Борис Тененбаум

Арабо-израильские войны в эпизодах и биографиях

Boris Tenenbaum

Arabo-israil'skie Voiny v Epizodakh i Biographiyakh
(Arab-Israeli Wars: Episodes and Biographies)

Copyright © 2008 by Boris Tenenbaum

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-934881-09-5

Library of Congress Control Number: 2008931092

Издательство М•GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com

info@mgraphics-publishing.com

Дизайн обложки: П. Крайтман © 2008

Отпечатано в США

*60-летию
государства
Израиль
посвящается*

АВТОР ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
СОТРУДНИКУ CENTRAL ZIONIST ARCHIVES В ИЕРУСАЛИМЕ
МОШЕ ГОНЧАРКУ
И АДМИНИСТРАЦИИ САЙТА **WWW.WARONLINE.ORG**
ЗА ЛЮБЕЗНО ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИИ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ЭТОЙ КНИГЕ.

Содержание

НЕЗНАМЕНИТАЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1956 ГОДА	9
ЗНАМЕНИТАЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1967 ГОДА	37
ГЕНЕРАЛ	97
МЮНХЕН И ОКРЕСТНОСТИ	187
ДЕЛО ХИНДАВИ	213
От Автора	224
МИХАИЛ ХЕЙФЕЦ: «ГОЛОС С ОСТРОВА»	226

**Незнаменитая
арабо-израильская война
1956 года**

ПРОБЛЕМА

Просто сказать, что во вторник, 27 сентября 1955 года, перед Израилем встала проблема — это было бы не слишком информативно.

Вся жизнь маленькой республики, начиная со дня ее победы в Войне за Независимость в 1948–1949 году, была одной сплошной вереницей проблем, одна другой труднее и запутаннее.

Ее население за 7 лет почти утроилось — с 600 тысяч человек до 1 700 000.

Экономику еще только предстояло растить, но новых граждан надо было кормить и как-то расселять — прямо сейчас.

Их надо было лечить — среди них было немало больных, попавших в Израиль чуть ли не напрямую из концлагерей.

Их надо было учить — среди 700 тысяч евреев, выкинутых из арабских стран, и принятых Израилем, неграмотных было много.

Из положения выходили посредством импровизированных мер. Людей распределяли по уже существующим сельскохозяйственным колониям. Срочно заводили новые — на это надо было много труда, и много воды — которую еще только предстояло добыть. Новых иммигрантов селили в лагерях, палатки в которых делали из четырех жердей и пяти листов жести — четыре на стены и один — на крышу. Из этих не слишком подходящих для строительства материалов израильскими были только жерди. Жесть же была британской, с оставленных английской армией складов. И дело было отнюдь не в филантропии. Просто практичные англичане, эвакуируя Палестину перед разделом мандата, посчитали, что эту жесть дешевле бросить, чем вывезти.

Проблемы носили не только материальный, но и социальный характер. Новые иммигранты из «восточных» общин были не просто продуктами арабской цивилизации, но довольно часто отражали ее дно. Преступность, проституция и наркомания, прежде не слишком знакомые «ишуву», взлетели до небес.

Марокканский еврей, поссорившись в очереди за распределяемой по карточкам мукой с болгарским евреем, отхватил ему ножом нос — эта история попала в газеты и имела национальный резонанс.

Совершенно отдельно стояла проблема безопасности. Арабские страны, потерпевшие поражение в войне 1948–1949 года, пока что не рисковали начать «второй раунд», о котором все время писала их печать. Но все возможное, что можно было сделать во вред Израилю, не достигая порога полномасштабной войны — все это делалось, и вот уж действительно — в полной мере.

Все нормальные торговые связи были порваны. Израилю был объявлен полный экономический бойкот. Не только Суэцкий Канал был закрыт для израильских судов — и даже для грузов, идущих в Израиль, что, вообще говоря, нарушало международную конвенцию, регулирующую работу канала — но даже доступ в Акабский залив к израильскому порту Эйлат был блокирован египетской армией.

Границы не были признаны, и как таковые, демонстративно не охранялись. То есть, они не охранялись избирательно — вооруженные группы «федаинов» — борцов за свободу — пропускались на израильскую сторону беспрепятственно. Различия между военными и гражданскими, или между мужчинами и женщинами, или, скажем, между взрослыми и детьми — «федаины» не делали. В течение 1953 года, например, было убито и ранено более ста восьмидесяти израильтян. Для сравнения — гражданам Российской Федерации эту цифру предлагается умножать на сто — получится похожий размер воздействия на общество в целом.

Пограничные инциденты случались практически ежедневно, и армия не справлялась с защитой страны от нападений.

Меры по защите тоже приходилось импровизировать.

Одно из мероприятий состояло в ответных ночных рейдах на территорию Иордании. Делалось это специальным подразде-

лением «коммандос», само существование которого отрицалось. Людей туда отбирали самых лучших, буквально по одному — и результаты оказались самыми положительными.

Командовал этой частью (созданной им же в 1953 году) очень энергичный и дельный молодой офицер, 25-летний майор, по имени Ариэль Шарон.

Иордания неожиданно «...увидела свет...».

Количество инцидентов на иорданской границе в период с 1953 года и до осени 1955-го резко сократилось. Зато, правда, накалилась граница с Газой, которую контролировали египтяне — но это уже была другая история.

Короче говоря — проблем хватало, и проблем самых разнообразных.

Тем не менее, известие о том, что Египет подписал «...коммерческое соглашение с Чехословакией о поставках Египту оружия...» вызвало немедленный кризис, отодвинув на задний план все остальное.

Перед Израилем встала **Проблема** — проблема с большой буквы.

Поставки оружия на Ближний Восток регулировались Трехсторонним Соглашением 1950 года, заключенным между Англией, Францией и США. Идея была в ограничении гонки вооружений в регионе, и соглашение это более или менее выполнялось.

К 1955 году Израиль имел около 50 реактивных истребителей «первого поколения» — французского и английского производства, и примерно 100 старых танков «Шерман» времен Второй Мировой Войны. Египет имел около 80 таких же самолетов и примерно 170 танков «Шерман». Разница в числе не слишком волновала израильское командование — они твердо верили в качественный перевес своих солдат.

Главной заботой в начале 50-х годов было раздобыть хоть какое-то стандартное оружие для пехоты — вместо двух десятков разнообразных типов винтовок, оставшихся со времени Войны за Независимость. Но даже и таких винтовок не хватало. Как минимум, хотелось обеспечить хотя бы один стандартный патрон.

В начале 50-х начали поступать на вооружение автоматы местного производства, «Узи», но в очень незначительных количествах.

Корпуса танков раздобывали — буквально — на свалках металлолома в Европе, и потом с превеликими трудами и расходами переделывали их во что-то, что могло передвигаться.

«Чехословацкая коммерческая сделка» меняла все правила игры.

Хотя параметры сделки оставались неизвестными еще долгое время, все понимали, что ради пустяков такой большой дипломатический шаг делать не будут.

Как оказалось, Египет получал 200 самолетов «второго поколения» — то есть сильно лучше израильских «Метеоров» и «Ураганов», около 400 танков и самоходок — качеством много лучше «Шерманов», 200 бронетранспортеров, и даже военные корабли — например, 6 подводных лодок. Никто не задавался вопросом — *«...а откуда же в Чехословакии взялись подводные лодки?...»* — потому что было совершенно ясно, что за сделкой стоит Советский Союз, и уж эта великая держава и подводные лодки имеет, и никакими Трехсторонними Соглашениями ограничена не будет...

Поскольку перевес 4 или 5 к одному отразить одной доблестью трудно, надо было принимать немедленные решения. Выбор был простым — или немедленная превентивная война «на упреждение», или попытка — срочно и немедленно — найти где-нибудь источник оружия, который позволил бы хоть как-то уравнять силы.

В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

Уже 10 октября Кнессет собрался на экстраординарное заседание. Лидер правой оппозиции, Менахем Бегин, громил правительство за бездействие. Другие депутаты были ненамного сдержаннее. *«Если американцы не продадут нам оружие, мы не будем ждать, пока нас зарежут как на бойне...»* — это выглядело типичной цитатой.

Премьер-Министр Моше Шарет, однако выразил надежду, что *«...мир не останется равнодушным и не оставит Израиль безоружным перед лицом столь очевидной угрозы самой жизни нашей страны...»*.

В воскресенье, 23 октября 1955 года, Шарет улетел в Европу. В течение следующих 9 дней он встретился в Париже и в Женеве со многими влиятельными людьми — с Премьер-министром Франции Форэ, с Министром Иностранных Дел Великобритании Макмилланом, и даже с Государственным Секретарем США, Джоном Фостером Даллесом.

Встретили его скорее неласково.

Многие западные дипломаты выражали недоумение, зачем, собственно, Шарет вообще появился в Женеве, где ведущие страны мира обсуждали *«...действительно важные, глобальные проблемы...»*.

В поставках оружия ему было отказано.

Макмиллан, правда, сказал послу Израиля в Великобритании — который тоже присутствовал на встрече — *«...Вы не представляете, как мне больно говорить с вами подобным образом...»*, но, как истый англичанин, он мужественно справился со своей болью, и в поставках оружия отказал категорически.

Даллес выражался более мягко, но суть дела это не меняло. Он полагал, что *«...следует решить все спорные вопросы миром...»*, что *«...Израилю следует подумать о территориальных уступках...»*, и что *«...судьба маленькой страны не может зависеть от ее вооружений, а только от соблюдения международных соглашений и от ООН...»*.

Частным образом Даллес выражал надежду, что неопределенные разговоры о возможной продаже Израилю некоторых видов оборонительного оружия позволят протянуть время и удержать Израиль от *«...необдуманных действий...»*.

Однако принципиальное решение было уже принято — в оружии Израилю следует отказать, а проблему «чехословацкой сделки» следует решать в переговорах с Президентом Египта, Гамалем Абделем Насером.

Даллес вовсе не был злодеем. Он находился в позиции игрока в шахматы, чей противник сделал неожиданный и сильный ход. Шахматной доской был мир, а противником — СССР.

Советское оружие для Египта давало Советскому Союзу политическое присутствие в регионе, где у него раньше не было «клиентов».

Если США или Англия снабдили бы оружием Израиль, они потеряли бы большую долю влияния и авторитета в арабских странах.

Но если бы они не сделали этого, то тогда победа Египта в будущей неизбежной войне — или, как минимум, конфронтации — была бы достигнута именно советским оружием — что приводило к такому же результату, к выигрышу для СССР.

Оставалось искать контрмеры — и они американцами были найдены. В согласии с Англией в США был принят так называемый «План Альфа».

Суть его заключалась в следующем — Насеру будет позволено оставить у себя его «чехословацкое» оружие. Ему будет также предложена обширная экономическая помощь США в виде согласия на займы для финансирования строительства Асуанской Плотины.

Конфликт же между Египтом и Израилем будет улажен. Израиль что-то отдаст на юге — весь Неgev, как предлагал английский Премьер Иден — или часть его, как предлагали американские дипломаты — и таким образом непереносимое условие Насера о «мосте» между арабами Азии и арабами Африке будет удовлетворено — у Египта будет общая граница с Иорданией.

Израиль надо будет «...убедить пойти на территориальные уступки в интересах общего мира...», а от превентивной войны его надо будет удержать долгими переговорами с неопределенными обещаниями «...благоприятно рассмотреть...» его просьбы о поставках оружия.

Но, так как арабо-израильская война была бы все-таки нежелательна, то Египет заключит с Израилем мир — или, по крайней мере, вступит с ним в серьезные переговоры о мире, при американском «...благожелательном посредничестве...».

Кроме того, подразумевалось, что Египет и его президент, Гамаль Абдель Насер, перестанет противиться планам Вели-

кобритании создать т.н. Багдадский Пакт, который объединит страны Среднего и Ближнего Востока в единый блок под западным патронажем — с целью исключить советское влияние в этом регионе.

Это, переходя к шахматным терминам, был элегантный план — надо было только «подвинуть пешку», т.е. Израиль.

«Пешка» двигаться категорически отказалась.

Причины были вполне понятны — Израиль должен был отдать арабам около трети своей территории, свой единственный порт на Красном Море, согласиться на ухудшение и без того очень неудовлетворительных границ — и все это в обмен на честное слово лидера Египта, данное им в том, что он считает конфликт законченным.

Но самое занятное было то, что Насер тоже не принял это — казалось бы, такого для него выгодного — американо-английского предложения. Как написал Фуад Аджуми в своей известной книге *«Dream Palace of the Arabs»* — *«...не в первый раз прямолинейный американец уходит с восточного базара с обчищенными карманами и уязвленным самолюбием...»*.

Насер, собственно, не отказывался от предложений, он их ласково выслушивал. Он даже говорил, что предложения эти вполне дельные — особенно английское. Он только не хотел делать ничего из того, что требовалось от него самого.

Конечно, очень трудно понять человека столь далекой от нас культуры.

В вышедшей совсем недавно, в 2004 году, новой биографии Насера, написанной палестинским арабом, явно интеллигентным человеком, полжизни проведшим в Европе, работавшем для агентства Рейтер и для БиБиСи, написано, что Насер был мягким и добрым человеком, который участвовал в политическом покушении всего один раз — и ему это не понравилось.

В мемуарах друга Насера, Мохаммеда Хейкала, просто-душно написано, что когда новые правители Ирака прислали Насеру в качестве сувенира отрезанный палец его врага, убитого ими Премьера Ирака Нури Саида, то Насер *«...грустно улыбнулся и велел похоронить палец в саду президентского дворца...»*.

Попробуйте представить себе Шарля де Голля, получающего в подарок от Идена палец Ги Молле — и разница во «времени цивилизаций» станет для вас яснее.

Но, помимо культурных различий, у Насера были и вполне рациональные причины для несговорчивости. Его не устраивал никакой, даже самый щедрый дар, если он вынуждал его занять определенную позицию в споре между СССР и США. Держаться посередине, лавировать и продавать свою ненадежную лояльность снова и снова было несравненно выгоднее. Кроме того, Насер уже не рассматривал себя, как лидера только Египта — он настаивал на том, что представляет всех арабов. Следовательно, согласие не то что на мир, но даже и на переговоры о мире с Израилем — это было для него неприемлемо.

В Израиле тем временем поисками решения занимался неофициальный комитет, который возглавлял не Премьер-министр Шарет, а лицо куда более авторитетное — министр обороны в правительстве Шарета.

Дело было не в том, какой именно пост занимал этот человек, а в том, кем он был. Давид Бен Гурион в Израиле был эквивалентом Ленина или Вашингтона — отцом-основателем нации, живой легендой.

Он и в самом деле был очень примечательным человеком. Типичный представитель своего поколения, «безродный космополит», говоривший на полудюжине языков, он родился в Польше, примкнул к сионистскому движению, переехал в Палестину — «...строить страну...», учился на юриста в Турции — но влияние приобрел как профсоюзный деятель еврейских рабочих Палестины.

К началу Войны за Независимость он стал бесспорным лидером «ишува», отодвинув в сторону даже таких ярких людей, как Зеев Жаботинский и Хаим Вейцман.

Трудно представить себе более скучную книгу, чем его мемуары — что-то в этом духе мог бы написать Пospelов. Бесконечные внутривластные дрязги, профсоюзные интриги, и т.д.

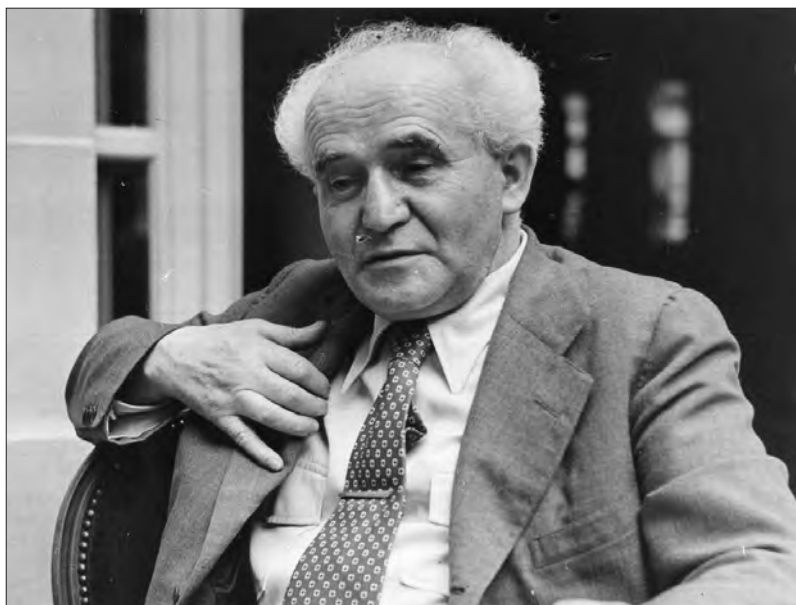
А между тем под его руководством была выиграна война, разоружены и расформированы «частные» армии вроде сильно правого Иргуна или сильно левого Пальмаха, созданы аполи-

тичные — принадлежащие не партиям, а нации в целом — армия и суд.

В довершение всего он после победы отказался от власти — уехал в свой киббуц в Негеве, и занялся там, в частности, изучением испанского — ему пришла в голову фантазия научиться читать «Дон Кихота» в подлиннике.

К моменту «чехословацкого» кризиса он вернулся в правительство в качестве министра обороны — и поиски решения естественным образом оказались в его сфере ответственности.

Функции разделились — министерство иностранных дел и Премьер Шарет пытались убедить американцев (на англичан надежды никакой не было) изменить свою позицию, а министерство обороны действовало по двум направлениям сразу — пыталось спровоцировать Египет на неосторожное — до того, как будет получено все советское оружие — начало военных действий, и из всех сил старалось получить уже заказанное оружие из французских арсеналов.

Давид Бен Гурион

Заказано было немного — 12 самолетов и 30 танков — однако протеже Бен Гуриона, молодой, но очень способный директор аппарата министерства обороны, по имени Шимон Перес, полагал, что в этом направлении можно будет кое-чего добиться.

Далеко не сразу, но ему это действительно удалось.

Сначала дело выглядело вполне безнадежным. Министерство иностранных дел Франции даже сделало попытку остановить уже согласованные поставки — там возникла блестящая мысль обменять эмбарго на израильское оружие на согласие Насера прекратить помощь алжирским повстанцам.

Попытка эта была с презрением отвергнута.

И тогда победила точка зрения министерства обороны Франции, которое предлагало создать Насеру проблемы на его восточном фланге.

Моше Даян, ноябрь 1956 г.

Соображения в пользу сотрудничества выглядели убедительно — Израиль был готов покупать французское оружие на долгосрочной основе, был готов платить наличными (в Израиле пришлось ввести новый специальный налог, но это было не так важно по сравнению с необходимостью в оружии), Израиль с готовностью предоставлял Франции разведывательные данные, связанные с египетской деятельностью в Алжире (которые оказались очень ценными для французской армии), и — *last but not least* — предоставлял возможность сделать неприятность англосаксам, что во Франции рассматривалось как пикантная деталь — еще задолго до того, как это стало официальной политикой генерала Де Голля.

Последней соломинкой стал неожиданный отказ Индии от уже согласованной поставки ей 200 французских самолетов «Mystere» — русские предложили Индии «МиГи» на несравненно более выгодных условиях, похожих скорее не на коммерческую сделку, а на подарок.

При всем желании Израиль не мог возместить Франции этот урон — на 200 реактивных истребителей просто не было фондов — но 50-100 самолетов Израиль был готов купить, и это было много лучше, чем ничего.

Сделка состоялась. Экзотической ее особенностью была необходимость в соблюдении секрета не только от американцев, например, но и от собственных министерств иностранных дел.

Самолеты перелетали в Израиль маленькими группами, под видом старых машин, отправленных изготовителю на ремонт, и возвращающихся обратно. Просто обратно возвращалось много больше, чем улетало.

Танки были доставлены не из Франции, а с армейских складов в Алжире, и не в порт, а прямо на берег, высадкой с танко-десантных кораблей.

Первую группу — ночью, на неосвещенном пляже — встречали самые ответственные лица страны — министр обороны (вскоре опять ставший Премьер-министром) Давид Бен Гурион, начальник штаба Армии Обороны Израиля Моше Даян — и приглашенный специально на это сверхсекретное событие человек без всяких официальных полномочий — поэт Натан Альтерман.